

УДК 82-97

«И ОНИ НЕ СЛАВИЛИ БОГА»: ТРАНСФОРМАЦИЯ БИБЛЕЙСКИХ ПСАЛМОВ В СБОРНИКЕ «НИЧЕЙНАЯ РОЗА» П. ЦЕЛАНА

Екатерина Александровна Горбунова

ассистент кафедры теории и методики преподавания иностранных языков и культур

Тольяттинский государственный университет

445667, Тольятти, ул. Белорусская, 14. kate-fairy@yandex.ru

В статье анализируются шесть стихотворений Пауля Целана из сборника «Ничейная роза», в которых отчетливо видна трансформация жанра псалма. Целан изменяет в своих стихах как содержательный аспект, так и формальный. Стихи написаны в послевоенное время, что также влияет на тематику стихов поэта и его отношение к религиозным ценностям. Во всех стихах он использует аллюзии на библейские псалмы, дает имя Богу, отличное от библейского. С одной стороны, мы видим совершенно новое понимание данного жанра, во многом противоположное традиционному понятию, но с другой стороны, Целан использует средства художественной выразительности, которые делают его стих схожим с псалмом. В статье проводится параллель с образами из библейских псалмов, которые используются Целаном в его стихах.

Ключевые слова: библейские псалмы; трансформация жанра; религиозная поэзия; претекст; аллюзия.

К псалму как литературному жанру поэты обращались во все времена развития человечества, особое внимание к нему проявляли и в зарубежной литературе в XX столетии; причем поэты так изменяли форму и содержание псалмов, будто пытались переписать Псалтырь – одну из главных книг в иудейской и христианской религиях. Отношение к книге псалмов изменилось, и это отчетливо прослеживается уже в начале века, когда поэты-экспрессионисты трансформируют жанр. К примеру, в псалмах экспрессионистов К. Гейнике и Г. Тракля звучит мотив одиночества, тоски, печали, но у К. Гейнике эта печаль направлена на поиск Бога, а у Г. Тракля лирическое Я дистанцируется от Бога.

Анализируя произведения, будем сопоставлять тексты стихов с библейскими псалмами, обращая внимание на изменения структуры, художественной формы и содержания. Необходимо отметить, что в Септуагинте и Вульгате объем и счет псалмов не совпадают с «масоретским» вариантом Священного Писания (Книгой Тегиллим). В Тегиллим насчитывается 150 псалмов, в греческом же варианте дополнительно помещен еще один псалм. В греческом переводе два псалма, 9-й и 10-й, объединены в 9-й псалм, и дальнейшая нумерация меняется по сравнению с исходным текстом на один номер, до 112-го псал-

ма. 114-й и 115-й масоретские псалмы в христианском варианте объединены в 113-й псалм. 116-й псалм в масоретском варианте разделяется в христианской традиции на два: 114-й и 115-й псалмы, 147-й псалм в переводном тексте делится на 146-й и 147-й псалмы. Со 148 псалма по 150-й нумерация совпадает. Древнееврейскую нумерацию псалмов наследует протестантская традиция, а православная и католическая согласуются с Септуагинтой [Псалмы Давида 2007: 9–10].

В данной статье рассмотрим псалмы в творчестве П. Целана, особое внимание уделяя стихотворениям из сборника «Ничейная роза» («Niemandrose»), так как считаем, что именно здесь Целан акцентирует свое отношение к библейским псалмам и подвергает творческой переработке Псалтырь. Обращение Целана к псалмам отличалось от отношения к этой же книге, например Брехта. Если для Брехта псалмы – это модель, образец, то для Целана, являющегося немецко-еврейским поэтом, Библия, а вместе с ней и псалмы, играют важную роль как своего рода связь с «Отцом». Соотнеся библейские псалмы с окружающей действительностью, он пытается преобразовать их в духе нового времени.

Сборник «Ничейная роза» был написан в 1963 г. Уже в первом, вводном, стихе «Земля была в них» («Es war Erde in ihnen») заложена идея

сборника. Его направленность – это отрицание, уничтожение того, что констатирует Псалтырь, а именно прославления Бога.

Sie gruben und gruben, so ging
ihr Tag dahin, und ihre Nacht. Und sie lobten nicht Gott,
der, so hoerten sie, alles dies wollte,
der, so hoerten sie, alles dies wusste.

Sie gruben und hoerten nichts mehr;
sie wurden nicht weise, erfanden kein Lied,
erdachten keinerlei Sprache.
Sie gruben.

Es kam eine Stille, es kam auch ein Sturm,
es kamen die Meere alle.
Ich grabe, du grabst, und es grabt auch der Wurm,
und das Singende dort sagt: Sie graben.

O einer, o keiner, o niemand, o du:
Wohin gings, da's nirgendhin ging?
O du grabst und ich grab, und ich grab mich dir zu,
und am Finger erwacht uns der Ring.
[Celan 1995: 211]

Лексика, используемая Целаном, прямо противоположна религиозным песням. Ключевой здесь является идея *Und sie lobten nicht Gott (И они не славили Бога)*¹. Она проходит красной нитью через весь сборник. Поскольку восхваление Бога – это основа Псалтыри, эти песни показывают отношение человека к Богу: благодарность, страх, уважение и почитание. Целан, конечно, знает об этом, но дает свою совершенно противоположную негативную формулу. Псалмы обычно делятся на два больших поджанра: хвалебные песни и жалобные песни. Хвала символизирует почитание, а жалоба – страдание, просьбу, т. е. они показывают две полярные составляющие жизни человека, которые сопровождают его от рождения до смерти. Одно указывает на радость бытия, другое – на горе и печаль, возникающие в жизни, а все это вместе – выражение человеческого бытия. Фраза *Und sie lobten nicht Gott* отражает негативное отношение ко всем центральным понятиям теологии, показывая абсурдность веры.

Анализируемое стихотворение состоит из четырех отдельных строф, характеризующихся наличием смешанных размеров, разной длиной строк и отсутствием рифмы как таковой. Первая строка начинается с трехстопного амфибрахия, который переходит в ямб. В стихе присутствует множество переносов незаконченных предложений с одной строки на другую. Так, продолжение первой строки мы находим во второй, тем самым образуется смысловое единство с выражением

Sie lobten nicht Gott, означая, что люди не только день и ночь копали, но и не славили Бога день и ночь. В первой строфе встречается аллитерация (*gruben, ging, Gott*). Она показывает напряженность мысли, задает стиховой ритм. Последние строчки первой строфы построены по принципу параллелизма, и в конце мы наблюдаем неточную парную женскую рифму (*wusste – wollte*). Повторение фразы *So hoerten sie (так они слышали)* имеет свое объяснение. Все откровения делаются в Библии через слово, всегда есть слушатель (народ или конкретный человек) и говорящий (пророк или сам Бог). Вера приходит и устанавливается в основном через услышанное слово: *So hoerten sie, (Gott) alles dies wollte / so hoerten sie, (Gott) alles dies wusste (как они слышали, (Бог) все это хотел / как они слышали, (Бог) все это знал)*.

Во второй строфе Целан вводит новую фразу: *Und sie hoerten nichts mehr (И они ничего больше не слышали)*, тем самым констатируется удаленность от Бога, отступление от него, отказ внимать его речи. Эти две фразы *Und sie lobten nicht Gott* и *Und sie hoerten nicht mehr* противопоставлены главным посылам псалмов, в них выражается отступление от веры. Ведь прославление Бога и слушание слова Божьего – основные постулаты религии. Начало строк анафорично, они начинаются с местоимения *sie*.

В названии стиха «В них была земля / и они рыли» («*Es war Erde in ihnen / und sie gruben*») сюжет о сотворении человека из персти земной соединяется с символом конца жизни – рвом. Если мы обратимся к этимологии имени первого человека, то обнаружим, что оно созвучно со словом на иврите *adamah*, что означает «земля красно-коричневого цвета, глина» [Иванов]. Многие теологи указывают на тесную связь человека с землей. Фраза *Es war Erde in ihnen* имеет вполне теологическое обоснование и мифологическую подоплеку. Но согласно Библии история с сотворением человека пошла еще дальше и воспринимается как божественный акт. Сюжет сотворения довольно часто встречается в библейских псалмах.

Целан обращается также к проблеме теодицеи в общем понятии, к борьбе добра со злом и задается вопросом: как такое возможно, что Бог-Творец так легко отворачивается от избранного им народа?

В данном стихотворении отчетливо видна взаимосвязь с 22-м псалмом Библии. Идея знаменитой фразы «*Боже мой, Боже мой, для чего ты оставил меня?*» [Псалмы Давида 2007: 105] (*Mein Gott, mein Gott, warum hast du mich verlassen?*) [Die Bibel 1985: 561] прослеживается во

всем стихе, но и часто встречается в остальных стихах сборника. Первая строфа в стихе начинается следующим образом: *Они рыли и рыли, так / проходил их день, затем и ночь (Sie gruben und gruben, so ging / ihr Tag dahin und ihre Nacht)*, а псалм 22, 3 звучит так: *Боже мой, я вопию днем, – и Ты не внемлешь мне, ночью – и нет мне успокоения* [Псалмы Давида 2007: 105]. Мы не знаем точно, какой перевод псалма на немецком языке был у П. Целана, но текст мог звучать и следующим образом: *Mein Gott, ich rufe bei Tag, doch du gibst keine Antwort, ich rufe bei Nacht und finde doch keine Ruhe* [Die Bibel 1985: 561]. В таком случае видно, что параллельные конструкции *Sie gruben und gruben... / Tag... Nacht* согласуются с конструкцией в псалме *ich rufe ... ich rufe... bei Tag... bei Nacht*. В целановском стихе многие средства выразительности взяты из библейских псалмов: повторение, вариации и параллелизм, которые являются конститuentами стиха. Если псалм примечателен безграничной верой в Бога, то у Целана упраздняется главный закон религии – вера. В его псалме люди слышали, что все, что с ними происходит, – это Божья воля, однако они больше ничего не слышат, не верят и не доверяют Богу.

Тема мудрости также важна для Целана. Ее всегда просили у Бога (Соломон, пророки). В некоторых библейских книгах и псалмах встречаются следующие выражения: *Начало мудрости – страх Господень* [Псалмы Давида 2007: 442] (*Die Furcht des Herrn ist der Anfang der Weisheit*) [Psalm 111, 10], *Научи нас так считать дни наши, чтобы нам приобрести сердце мудрое* [Псалмы Давида 2007: 355] (*Lehre uns unsere Tage zaehlen, dann gewinnen wir ein weises Herz*) [Psalm 90, 12]. Мудрость здесь – это не интеллектуальный процесс, не жизненный опыт, а дар, которым награждает Бог (только Бог являет собой мудрость).

Еврейский народ в попытке сохранить мудрость (Бога, пророков) создает священные писания (Пятикнижие Моисея). Фраза в стихе Целана *Sie wurden nicht weise (Они не были мудры)* показывает дистанцированность от Бога. А фраза *erfanden kein Lied (не сочинили песен)* только еще усиливает ее. Бог разрешил людям слагать песни и восхвалять его, что приносило ему радость. Ведь все песни в израильской традиции обращены к Богу. В 98-м псалме говорится: *Воспойте Господу новую песнь, ибо Он сотворил небеса* [Псалмы Давида 2007: 384] (*Singet dem Herren ein neues Lied, denn er hat wunderbare Taten vollbracht*) [Psalm 98, 1]. Фраза *Erfand kein Lied* – это еще одна формула отрицания. Отказ от языковой артикуляции – *erdachten sich keinerlei Sprache (не*

придумывали язык) – это признак полного разрушения человеческого образа, созданного по подобию Бога. Язык – отличительная черта человека от всего живого на земле, отказ от него ведет к исчезновению этого отличия. А в стихотворении вместо создания языка люди продолжают «рыть, рыть». Здесь упоминается червь, который тоже роет, тем самым показывается отсутствие разницы между человеком и червем. Уничтожение (кенозис) человека мы встречаем и в 22-м псалме *Я же червь, а не человек* [Псалмы Давида 2007: 105] (*Ich bin aber ein Wurm und kein Mensch*) [Psalm 22, 7]. Однако же в данном псалме использование образа червя – это форма жалобы, обращенной к Богу, человек сравнивает себя с червем из-за несправедливости по отношению к нему и надеется на Божью помощь. В стихотворении Целана человек уподобляется червю. Грамматическая парадигма глагола *graben* показывает, что копанье – это занятие и человека, и червя, что нет между ними теперь разницы: *ich grabe, du graebst, und es graebt auch der Wurm (я рою, ты роешь, роет также червь)*.

Четвертая строфа начинается с четырехкратного восклицания *o einer, o keiner, o niemand, o du / wohin gings da's nirgendhin ging?* (*О Некий, о Всякий, о ты, Никакой / где теперь то, что шло на нигдежность?* – Пер. О. Седаковой). В использовании данных неопределенных местоимений прослеживается тенденция к обезличиванию объекта. «Ты» – это частое обращение в псалмах к Богу, так же, как и «Господь», «Яхве». Арнольд Штадлер высказывает предположение, что все четыре местоимения, предваряемые «О» (что очень характерно для псалмов), обозначают самого Бога. Люди издают крик спасения и задают вопрос, который обращен в пустоту: *o einer, o keiner, o niemand, o du / wohin gings da's nirgendhin ging?* [Stadler 1989: 149]

Противоположностью этому стиху опять выступает 22-й псалм, который многие исследователи относят к молитве Христа на кресте. Рассмотрим некоторые отличия и сходства. Во-первых, в псалме четко видно, к кому обращается псалмопевец: *Mein Gott*. Выбор притяжательного местоимения согласуется с Божьей заповедью: *Ich bin dein Gott ... Du sollst neben mir keine anderen Götter haben* [Die Bibel 1985: 80] (*Я – Бог твой, да не будет у тебя других Богов*). Несмотря на то что в 22-м псалме Бог молчит, псалмопевец все равно кричит и зовет Его. Целан едва ли следует этому псалму. Он сохраняет зачин, как в 22-м псалме (восклицание, затем вопрос), но меняет саму его суть. На месте, где должно быть обращение к Богу, он называет его не «мой

Бог», а четырьмя разными неопределенными местоимениями.

Во-вторых, в 22-м псалме задается вопрос, начинающийся с вопросительного слова: «*Warum*»: *Warum hast du mich verlassen?* (Почему ты покинул меня?). Целан заменяет его словом *Wohin*. Если в псалме обращение направлено конкретно к Богу и задается конкретный вопрос, то в стихе вопрос, начинающийся с «куда», обращен к кому-то неопределенному, кого Целан называет *keiner, einer, niemand*.

В заключительных строчках стиха мы видим несколько форм из парадигмы спряжения глагола «рыть». В третьей строфе мы уже сталкивались с этим глаголом и уподоблением человека червю, который также копает. Само слово *conjugare* (от лат. «спрягать») обозначает еще и «соединение». Учитывая, что слово переводится как «соединять», можно объяснить появление кольца в конце стиха – *O du gräbst und ich grab, und ich grab mich dir zu, und am Finger erwacht uns der Ring* (О, ты роешь, я рою; я рою к тебе, за тобой и наш перстень на пальце не спит, как младенец. – Пер. О. Седаковой) – как символ низведения человека на низшую ступень его бытия [Stadler 1989: 149]. Но, с другой стороны, в стихотворении используется персонификация *erwacht uns der Ring*, т.е. кольцо пробуждает людей, возвращая их к человеческим ценностям: верности и преданности. Таким образом, начальное стихотворение сборника показывает отношение автора к традиции псалмов, что характерно и для других стихов сборника.

Еще одно стихотворение сборника, не относящееся прямо к псалмам, но содержащее в себе контаминацию из разных псалмов, – это стихотворение «*Zürich, zum Storchen*» («Цюрих, «У аиста»). Оно интересно, в первую очередь, аллюзиями на 22-й псалм. Стихотворение посвящено известной немецко-еврейской поэтессе и представляет собой что-то вроде пересказа разговора, состоявшегося в Цюрихе.

Vom Zuviel war die Rede, vom
Zuwenig. Von Du
Und Aber-Du, von
Der Trübung durch Helles, von
Jüdischem, von
Deinem Gott.

Da-
von.

Am Tag einer Himmelfahrt, das
Münster stand drüben, es kam
mit einigem Gold übers Wasser.

Von deinem Gott war die Rede, ich sprach
Gegen ihn, ich
Ließ das Herz, das ich hatte,
hoffen:
auf
sein höchstes, umröcheltes, sein
haderndes Wort –

Dein Aug sah mir zu, sah hinweg,
dein Mund
sprach sich dem Aug zu, ich hörte:

Wir
Wissen ja nicht, weißt du,
wir
wissen ja nicht,
was
gilt.
[Celan 1995: 214–215]

В первой строфе автор вводит тему диалога: *...war die Rede ... von Jüdischem, von Deinem Gott* (шла речь...о еврейском, о твоём Боге), затем дается описание места, где происходит разговор: это Цюрих, отель «*Zum Storchen*» на реке Лиммат, напротив Гросмюнстера. Обозначается еще и точное время – это день Вознесения (*am Tag einer Himmelfahrt*). Нужно отметить, что в католицизме отмечается день вознесения Христа (за десять дней до Троицы), а также день вознесения Девы Марии, празднуемый 15 августа. Однако в Швейцарии день вознесения Богородицы не празднуется, скорее всего, из-за развитого цвинглианства. И уже в самом начале стихотворения показана отдаленность автора от Бога. Беседа идет о «твоем Боге», т.е. о Боге собеседницы. Из всего стиха с библейскими псалмами тесно связана третья строфа: *... ich / ließ das Herz, das ich hatte, / hoffen: / auf / sein höchstes, umröcheltes, sein / haderndes Wort - //* (...я / позволил сердцу, какое есть у меня, / надеяться: / на / его лучшее, разъяренное, на его / раздирающее слово. – Пер. О. Седаковой). Надежда на слово Божье хорошо показана в 130-м псалме, который называют «*De Profundis*»: *Aus der Tiefe rufe ich, Herr zu dir: / Herr, höre meine Stimme!* (Из глубины зываю к Тебе, Господи. Господи, услышь голос мой) [Псалмы Давида 2007: 501]. Пятая строка звучит следующим образом: *Ich hoffe auf den Herrn, es hofft meine Seele, / ich warte voll Vertrauen auf sein Wort* (Надеюсь на Господа, надеется душа моя; на слово Его уповаю). Важно понимать, что в стихотворении дается вполне конкретная характеристика словам, сопровождаемая прилагательными «высокое, разъяренное, раздирающее», что может являться и дополнением к 22-му псалму. Для Нелли Закс, той, с кем Целан

ведет беседу в стихе, 22-й псалм имел огромное значение в жизни и поэзии, и скорее всего Целан знал об этом (см. подробнее: [Андреюшкина, Сюткина 2010]). Отсюда появляется противопоставление *mein Gott – dein Gott*. А определенные слова могут характеризовать и речь Христа на кресте.

Подтверждением того, что эти слова характеризуют речь Иисуса, может быть и то, что беседа двух иудеев происходит в день Вознесения в Цюрихе. Данный сюжет также отсылает нас к другому произведению Целана, написанному в прозе, – «*Gespräch im Gebirg*» («Разговор в горах»), где разворачивается разговор двух евреев – большого (Jude Gross) и маленького (Jude Klein). В конце собеседник автора приходит к агностическому заключению: *wir / wissen ja nicht, / was / gilt* (Мы/ не знаем/ что/ верно).

Несмотря на то что «*Zürich, zum Storchen*» предполагает форму диалога, он не построен по принципу диалога, а просто пересказывает события. Однако в конце автор использует прямую речь. Стих состоит из пяти строф, содержит множество переносов, характеризуется «рваным» синтаксисом с целью акцентирования внимания на отдельных словах. В нем используются прием отражения: *Muenster... kam mit einigem Gold uebers Wasser* (Собор, который сорил золотом по воде. – Пер. О. Седаковой), климакс: *höchstes, umröcheltes, haderndes Wort* (лучшее, разъяренное, раздирающее слово).

Следующим важным и, на наш взгляд центральным, произведением в сборнике является «Psalm». Это единственное стихотворение Целана, носящее такое название, и единственный стих, в котором используется заглавие сборника «*Niemandsrose*» («Ничейная роза»). Это один из самых популярных стихов Целана, которому посвящены многие работы и сделано большое количество переводов, в том числе и на русский язык (около 10 переводов) (см.: [Горбунова 2012: 22–25; Андреюшкина 2005]). Обычно название отражает идею стиха, настраивает читателя на читаемое, подготавливая к развитию идеи, но сам стих, несмотря на заглавие, не является ни переводом, ни переложением какого-либо библейского псалма. Стих состоит из четырех строф, характеризуется отсутствием рифмы и наличием переносов.

Как бы удивительно это ни звучало, Целан ставит стихотворение «Псалм» в оппозицию к Псалтыри. Если оценивать его с точки зрения композиции жанра, то оно вполне соответствует псалму. Часто псалмы начинаются с жалобы, а заканчиваются прославлением Бога в духе гимна, что можно отметить и в данном стихе. Главная

тема – сотворение человека, и уже первые строки вводят нас в нее: *Niemand knetet uns wieder aus Erde und Lehm, / niemand bespricht unsern Staub. / Niemand* (Никто лепит нас снова из земли и глины, / никто заговаривает наш прах. / Никто.). Примечательно, что местоимение «Никто» стоит на том месте, где, следуя логике, должно стоять имя Бога, и оно повторяется три раза, соотносясь со святым триединством (Отец, Сын, Святой Дух).

В стихе содержится два догматических положения: сотворение человека и вдыхание духа в него, уже эти два момента являются поводом для восхваления Бога. Как и в стихе «В них была земля», создание человека из земли и восхваление за это Бога тесно связаны между собой. Тема создания человека из земли и превращение снова в прах появляется и в библейских псалмах. Например, в 89-м псалме: *Ты возвращаешь человека в тление и говоришь: «возвратитесь, сыны человеческие!»* [Псалмы Давида 2007: 355] (*Du lässt die Menschen zurueckkehren zum Staub / und sprichst: Kommt wieder, ihr Menschen!...*) Или из 103-го псалма: *Ибо Он знает состав наш, помнит, что мы – персть. Дни человека – как трава: как цвет полевой, так он цветет* [там же: 399] (*Denn er weiß, was wir für Gebilde sind / er denkt daran: Wir sind nur Staub. Des Menschen Tage sind wie Gras, / er blüht, / wie die des Feldes*).

Почитание Бога (Яхве) и Его святое имя являются очень важным пунктом, особенно у авторов псалмов. Но в псалмах практически не говорится о смерти. Считается, что в потустороннем мире у человека отбирается возможность, которая есть в этом мире. Поэтому в псалмах звучат следующие фразы, касающиеся смерти: *Wer wird dich in der Unterwelt noch preisen* [Psalm 6, 6] (*Ибо в смерти нет памятования о тебе*) [Псалмы Давида 2007: 43], *Kann der Staub dich preisen, deine Treue verkuenden?* [Psalm 30, 10] (*Будет ли прах славить тебя?*) [Псалмы Давида 2007: 131], *Werden Schatten aufstehen, um dich zu preisen?* [Psalm 88, 11] (*Разве мертвые встанут и будут славить тебя?*) [Псалмы Давида 2007: 345]. Земная жизнь воспринималась как подарок, данный Богом, и необходимо служить Богу и почитать его за это: *Ich will dem Herrn singen, solange ich lebe, / will meinem Gott spielen, solange ich da bin* [Psalm 10] (*Буду петь Господу всю жизнь мою, буду петь Богу моему, доколе емь*) [Псалмы Давида 2007: 406]. Очень похоже это звучит и у Целана: *Gelobt seist du ... / Dir zulieb wollen / wir bluehen* (Благословен будь ты.../для тебя хотим мы расцвести).

Однако вместо того, чтобы назвать Божье имя, Целан использует местоимение «Никто». В

библейских псалмах имя Бога тоже не называется. Во всей Библии Бог открывает свое имя Моисею, что мы можем прочитать в книге «Исход». Бог представляется как *ejeh – ascher – ejeh*, что в переводе означает «Я есмь Я» или «Я есть Сущий» [Исход 3, 14]. Но это, конечно, не единственное его имя. В псалмах вместо имени Бога (Яхве) используются другие слова, такие как *Пастырь (Hirt)* [Psalm 23], *Свет и спасение (Licht und Heil)* [Psalm 27], *Крепость (Fels)* [Psalm 28]. Целан мог бы использовать обращение *Herr*, как он сделал в стихе «Tenebrae» (сборник «Sprachgitter»). В первом стихотворении сборника «Niemandrose» Целан тоже не называл имени Бога, а использовал местоимения (*o einer, o keiner, o niemand, o du*). Это выводит на другую ступень отношения лирического героя с Богом: если до этого Он был могущественным, им восхищались в псалмах, то теперь Бог стал неизвестным, чужим. Тем самым Целан в своем сборнике, и конкретно в этом стихотворении, хочет заменить образ Бога, известный по Псалтыри. Но поэт не отрицает существования Бога полностью. Замена имени влечет многие другие изменения. Незведанное создает новое, такое же незведанное (*Nichts*), и *цветет ничто – Niemandrose. Niemand* порождает *Nichts – Niemandrose*.

Тема нового и незведанного продолжается и в стихотворении «Мандорла». Из названия видно, что содержание стиха связано с сакральным пространством, которое ограничивается рамками мандорлы. Вместо итальянского слова «Mandorla» Целан использует слово «Mandel» («миндаль»). Мандорла – это миндалевидный вертикальный ореол, заключающий в себе образ Христа или Девы Марии, и обозначает ограничивающееся от всего остального пространства, замкнутость (см.: [Кутковой]). Данный стих берет некоторые образы из 24-го псалма, в котором Яхве славится как Царь мира, Царь славы. Заголовок содержит намек на того, о ком будет идти речь.

В стихе так же, как и в псалме, присутствует система вопросов и ответов, притом вопрошающий сам отвечает на заданные им вопросы, и его ответы содержат наставления. В 24-м псалме вначале возвещается о власти Бога. Затем задается первый вопрос о том, кто может взойти на гору Господню, а потом дается ответ, что это может сделать лишь тот, у кого руки чисты и сердце невинно. В следующем вопросе два раза спрашивается о Царе силы (*König der Herrlichkeit*) и дается один ответ. На этом некоторое сходство заканчивается. Если в 24-м псалме отчетливо видно желание встречи с Богом, используется большое количество глаголов, среди которых

есть глагол «стоять», то в стихотворении «Мандорла» использование глаголов сокращено до одного – «стоять». Стихотворение построено на приеме параллелизма. Конечно, Целан трансформирует форму. Стихотворение состоит из 5 строф, причем строки в строфах неравномерны.

In der Mandel – was steht in der Mandel?
Das Nichts.
Es steht das Nichts in der Mandel.
Da steht es und steht.

Im Nichts – wer steht da? Der König.
Da steht der König, der König.
Da steht er und steht.

Judenlocke, wirst nicht grau

Und dein Aug – wohin steht dein Aug?
Dein Aug steht der Mandel entgegen.
Dein Aug, dem Nichts sthets entgegen.
Es steht zum König.
So steht es und steht.

Menschenlocke, wirst nicht grau.
Leere Mandel, königsblau.
[Celan 1995: 244]

Первая строфа представляет собой вопрос и ответ, но фактически держится на трех словах (*Mandel, Nichts, steht*). Нужно отметить, что весь стих состоит из параллельных конструкций и множества редупликаций с целью усиления значения слов и акцентирования внимания читателя. Во второй строфе происходит нечто похожее, что и в первой, но появляется слово *Koenig*, повторяющееся три раза, что может намекать на Троицу, как было в случае трехкратного повторения *Niemand* в «Псалме». Строфа состоит из слов *Nichts, Koenig*. Следующая однострочная строфа вынесена в середину, представляя собой вывод из двух предыдущих. Четвертая строфа также начинается вопросом, в котором присутствует анафора во второй и третьей строках (*Dein Aug*), и в ней объединяются все три образа, составляющие первые строфы (*Mandel, Nichts, Koenig*). Пятая строфа состоит из двух строк, образующих парную рифму. Интересно, что в стихе акцентируется глагол *stehen*. Это слово, помимо «стоять», может означать еще и «возвышаться над чем-то, кем-то», что связано с царственным величием короля.

У Целана встречаются стихотворения, написанные в стиле гимна сотворению. К ним можно отнести стихи «Zu beiden Händen» и «Einem, der vor der Tür stand». В этих двух стихах мы находим элементы из 8-го псалма. В стихе «Zu beiden Händen» в первой строфе дается описание неба,

звезд, но, главное то, что Целан ставит в середине всего космоса человека: «Wie tut sich die Welt uns auf, mitten durch uns!» (Как мир нам раскрылся, прошёл сквозь нас, сквозь середины! Пер. Н. Колесниковой). При этом используются восклицательные конструкции. Небеса так же, как и звезды, – дело рук Бога, в стихе же Целана все эти вещи подчиняются человеку, на что указывает местоимение «mir». В 8-м псалме задается вопрос: *Was ist der Mensch?* (кто есть человек?), в стихе у Целана человек – центр сущего, поэтом меняется представление о мире, созданное в псалмах, отрицается идея создания всего Божьей рукой. Незнание места расположения *du bist oben du bist unten* (ты внизу и наверху) также характерна для стихотворения Целана. Оно заканчивается на четвертой строфе, где присутствует элемент недосказанности. И в нем снова обозначается неизвестное существо, названное *Das Selbe* (тот самый), повторяющееся трижды (как *Niemand* и *Koenig* в других стихах). Таким образом, можно предположить, что это еще одно из обозначений Бога у Целана.

Последнее стихотворение сборника называется «В воздухе» («In der Luft»), в нем поднимается тема потери родины, дома. В первых же строчках говорится о том, что корни уходят в воздух, т.е. в никуда. Используется прием кольцевого повтора для усиления эффекта потерянности. Снова появляется мотив земли-глины, что отсылает нас к первому стиху сборника и символизирует создание человека. Стих состоит из 6 строф, в каждой из которых неодинаковое количество строк, с разной длиной строк. Первая строфа посвящена библейским, теологическим мотивам, вторая – обозначает тему изгнания и называет изгнанных сожженными (*Verbannte – Verbrannte*). Тема изгнания прослеживается в 126-м псалме, который возвещает веселие рода человеческого при восхождении в небесный Иерусалим. Однако в стихе происходит восхождение не в Иерусалим – в конце изгнания есть лишь воздух, человека ожидает пустота.

Проанализировав шесть стихотворений П. Целана из сборника «Niemandrose», мы определили основную тенденцию сборника и отношение автора к библейским псалмам. Во-первых, в стихах данного сборника в плане содержания прослеживается отрицание основных идей религии – отказ от веры и желания прославлять Бога. Во-вторых, автор трансформирует форму псалма. В отличие от библейских псалмов, в псалмах-стихах Целана происходит деление на строфы, отказ от нумерации строк, появление рифм. Используется большое количество средств художественной выразительности (аллитерация, олице-

творение, климакс, гипербола) с целью сосредоточить внимание читателя на мысли, которую автор хочет донести. Однако при этом остается характерный для библейских псалмов параллелизм и повторение, используется большое количество аллюзий на известные псалмы и книги Библии. Целан создает свой образ Бога, называя его по-своему (*König, Niemand, Das Selbe*), он дает свое представление о Нём, мире, месте и роли человека на этой земле.

Примечание

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

Список литературы

Андреюшкина Т. Н., Чумакова Н. Л. Проблема художественности перевода // Наука – производству. 2005. Вып. 5. С. 59–61.

Андреюшкина Т. Н., Сюткина Е. А. «И некто трубит...»: библейские аллюзии в поэзии Нелли Закс // Вестник гуманитарного института ТГУ. 2010. Вып. 2. С. 134–138.

Библия онлайн. Книга Исход. URL: <http://bibleonline.ru/bible/rus/02/03/> (дата обращения: 15.09.2014).

Горбунова Е. А. «Псалм» Пауля Целана: анализ и переводы на русский язык // Вестник гуманитарного института ТГУ. 2012. Вып. 2(13). С. 22–25.

Иванов М. С. Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/63452.html> (дата обращения: 15.09.2014).

Колесникова Н. Пауль Целан. По обе ладони. URL: <http://www.stihi.ru/2009/02/28/3826> (дата обращения: 15.09.2014).

Кутковой В. О мандорле. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/282.htm> (дата обращения: 15.09.2014).

Псалмы Давида. Псалтирь / сост. А. Терехова. М.: Эксмо, 2007. 576 с.

Седакова О. Переводы П. Целана. URL: <http://www.olgasedakova.com/125> (дата обращения: 15.09.2014).

Die Bibel. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft. 1985. 906 S.

Celan P. Gedichte in zwei Bänden. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag. B. 1, 1995. 291 S.

Stadler A. Das Buch der Psalmen und die deutsche Lyrik des 20. Jahrhunderts. Köln, Wien: Böhlau, 1989. 341 S.

References

- Andrejushkina T. N., Chumakova N. L.* Problema khudozhestvennosti perevoda [The problem of the artistry of the translation]. *Nauka – proizvodstvu* [Science to production]. 2005. Iss. 5. P. 59–61.
- Andrejushkina T. N., Sjutkina E. A.* «I neкто trubit...»: biblejskie alljuzii v poehzii Nelli Zaks. [«And someone blows...»: the biblical allusions in Nelly Sachs's Poetry]. *Vestnik gumanitarnogo instituta TGU* [The bulletin of humanitarian institute of TSU]. 2010. Iss. 2. P. 134–138.
- Biblija onlajn.* Kniga Iskhod. [Bible online. The Exodus]. Available at: <http://bibleonline.ru/bible/rus/02/03/> (accessed 15.09.2014)
- Celan P.* Gedichte in zwei Bänden [Poetry: in 2 vol.]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag. Vol. 1, 1995. 291 p.
- Die Bible* [The Bible]. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft. 1985. 906 p.
- Gorbunova E. A.* «Psalm» P. Celana: analiz i perevody na russkij jazyk [«Psalm» P. Celan: Analysis and translations on Russian language]. *Vestnik gumanitarnogo instituta TGU* [The bulletin of humanitarian institute of TSU]. 2012. Iss. 2(13). P. 22–25.
- Ivanov M. S.* Pravoslavnaia ehnciklopedija [The Orthodox encyclopedia]. Available at: <http://www.pravenc.ru/text/63452.html> (accessed 15.09.2014).
- Kolesnikova N.* Paul Celan. Po obe ladoni [Paul Celan. To two hands]. Available at: <http://www.stihi.ru/2009/02/28/3826> (accessed 15.09.2014).
- Kutkovoj V.* O mandorle [About aureola]. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/282.htm> (accessed 15.09.2014).
- Psalmi Davida.* Psaltyr' [David's Psalms. The book of Psalms]. Ed. by A. Terekhova. Moscow, Ehksmo Publ., 2007. 576 p.
- Sedakova O.* Perevopy P. Celana [The translations of P. Celan]. Available at: <http://www.olga-sedakova.com/125> (accessed 15.09.2014).
- Stadler A.* Das Buch der Psalmen und die deutsche Lyrik des 20 [The book of psalm and German poetry in XX century]. Jahrhunderts. Köln, Wien: Böhlau, 1989. 341 p.

**«AND THEY DID NOT PRAISE GOD»:
TRANSFORMATION OF THE BIBLICAL PSALMS
IN THE COLLECTION OF POEMS «THE NO-ONE'S-ROSE» BY P. CELAN**

Ekaterina A. Gorbunova

Assistant in the Department of Theory and Methods of Foreign Languages and Cultures Teaching
Togliatti State University

The article analyzes six poems by Paul Celan from the collection of poems «The No-One's-Rose», which distinctly show transformation of the psalm genre. In his poems Celan transforms both the content and the form. These poems were written in the post-war period, which also influenced their themes and the poet's attitude to religion. Celan gives God a new name, different from the biblical one, and uses such a stylistic device as allusion. On the one hand, a new understanding of the genre, which is opposite to the traditional, is presented. On the other hand, Celan uses the literary devices that make his poems close to the psalms. In the article the parallel between the images from the psalms and from Celan's poems is drawn.

Key words: biblical psalms; transformation of the genre; religious poetry; praetext; allusion.